

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ПОЛЬСКАЯ И РУССКАЯ ШКОЛЫ КУЛЬТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ

Polish and Russian School of Cultural Linguistics: Similarity and Differences of Approaches

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная лингвистика, антропологическая лингвистика, этнолингвистика, языковой vs культурный детерминизм, эвристическая функция языка, языковая картина мира

KEYWORDS: cultural linguistics, anthropological linguistics, ethnolinguistics, language vs cultural determinism, heuristic function of language, language world view

АБСТРАКТ: The author reviews contemporary cultural linguistics (as one of the fields of anthropological linguistics) in two Slavic countries: Poland and Russia. The first part of the article discusses the general theoretical foundations of cultural linguistics, as well as the circumstances in which it was established in Poland and Russia (USSR). In the second part, the author discusses the distinguishing features of both linguistic traditions. So he writes that in Russia, researchers are more interested in linguoculturology, in particular in the description of concepts and the so-called conceptosphere. In Poland there is a stronger tradition of researching folk culture, folk psychology and folk language, for this reason the methodology of Polish research is based to a greater extent on empirical procedures, such as field research and surveys.

1. Введение

Основы современной культурной лингвистики были заложены в работах немецкой психологической школы второй половины XIX века (К. Бругмана, О. Шрадера, Х. Штейнталя, В. Вундта, Э. Касирера), которая – в свою очередь – сформировалась на фундаменте философских и лингвофилософских теорий эпохи Просвещения (особенно И. Гердера) и эпохи романтизма (в первую очередь В. фон Гумбольдта). У истоков этих теорий лежали идеи реализма, релятивизма и языкового активизма (подробнее см.: Chruszczewski 2011, 17),

а также эмпирические исследования в области (новой для того времени) полевой лингвистики (англ. *field linguistics*), в частности, диалектологии. Свой вклад в развитие данного направления внесли также славянские ученые. В Восточной Европе этому способствовали публикации И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, П. А. Лавровского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и особенно А. А. Потебни как ведущего представителя харьковской лингвистической школы. Во второй половине XIX века и начале XX века в Польше также сформировалась традиция антропологической лингвистики (с сильным этнографическим и психологическим уклоном); к ее представителям относят А. А. Крыньского, Я. Лося, Я. Розвадовского, В. Пожезиньского, К. Нича, Л. Малиновского, А. Гавроньского, М. Рудницкого, Г. Улашина, С. Шобера и др. Антропологическое направление в Польше было настолько сильным, что значительно повлияло на рецепцию структурализма, который встретил резкую критику и никогда не стал таким заметным явлением, как в СССР или соседней Чехии (подробнее об этом: Kiklewicz 2002, 276 и др.; 2013, 243 и др.).

Обращение к двум школам культурной лингвистики: польской и русской, – имеет под собой два основания. Во-первых, это – научная деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского – поляков, которые значительное время работали в российских университетах и одновременно представляли две школы, при том что работы обоих языковедов, по мнению авторитетного исследователя К. Нича, «в польской лингвистике стоят особняком» (Nitsch 1960, 262).

Во-вторых, Польша и Россия – две славянские страны, в которых культурная лингвистика получила наибольшее развитие. Это подтверждает электронная библиографическая база iSybislaw Института славистики Польской академии наук (<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl>): наибольшее количество документов (монографий, статей в сборниках и журналах), соответствующих ключевому слову *lingwistyka kulturowa* (культурная лингвистика) представлено на польском и русском языках. Интерес к проблематике культурной и, шире, антропологической лингвистики проявляется не только в количестве публикаций, но также в тематике научных конференций и проектов, диссертаций, в грантовой политике, тематическом перепрофилировании университетских программ. Нельзя утверждать, что это направление имеет доминирующий характер (см. Kiklewicz 2015, 40), однако оно все более заметно в ключевых научных дискурсах и в их ключевых позициях. Например, один из пленарных докладов, открывающих XVI Международный съезд славистов в Белграде (в августе 2018 года) был прочитан Е. Бартминьским, ведущим польским представителем этнолингвистики, а тема доклада была: «Язык в контексте культуры».

В первой части статьи культурная лингвистика будет рассмотрена в системе современного лингвистического знания, в первую очередь – в ее отношении

к антропологической парадигме, а во второй части будут описаны различные характеристики польской и русской версий данного лингвистического направления.

2. Культурная лингвистика как научная дисциплина

Польская и русская традиции культурной лингвистики имеют общее основание – функциональный подход к языку как продукту социальной и познавательной деятельности, осуществляемой в рамках определенного культурного сообщества. В таком подходе можно видеть наследие теории лингвистического натурализма (биологизма): зависимость от среды считается свойством живых или адаптационных систем – в отличие от неживых (см. Гофман-Кадошников 1984, 325; Арнольд 1991, 119).

Адаптивный характер языка наиболее очевиден в его «народной» версии: при этом культурный фактор языкового поведения наиболее материализован (в виде уклада жизни, ритуальных действий, обрядов и т.д.). Я. Анусевич (Anusiewicz 1994, 11) отмечал, что этнолингвистика занимается прежде всего исследованием нелитературных форм существования языка. Подтверждением этому является многотомный «Словарь народных стереотипов и символов» („Słownik stereotypów i symboli ludowych”), издаваемый в Люблинском университете.

Функциональный подход обычно рассматривается в оппозиции к структурному, алгоритмическому языкознанию, которое трактует язык как замкнутую, номотетическую систему. В действительности же эта оппозиция имеет относительный характер. Оба направления: функционализм (в частности, культурализм) и структурализм, – объединяет идея эмергентизма. Постулат, согласно которому целое не тождественно сумме частей, способ или тип конфигурации которых создает новые значимости, имеет фундаментальное значения для структурного анализа (см. Лотман/Успенский 1971, 151; Миллер 1972, 38; Szymańska 1980, 3). Подобно тому, как структурализм, по утверждению Ц. Рувинского (Rówiński 1984, 292), «всегда стремится к представлению объекта как целого», культурализм опирается на предпосылку об эмергентном характере культуры, которая не сводится к сумме отдельных картин мира или типов поведения (ср. концепцию эмергентного культурного познания, англ. *emergent cultural cognition*: Sharafian 2008, 109 и др.; 2016, 36). Такой характер в широко известной концепции Э. Дюркгейма имеют «социальные факты»:

Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области

биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, [...] кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы (Дюркгейм 1996, 313-314).

Идея эмергентизма реализуется также в понятии культурного программирования человеческого поведения: культуре свойствен определенный детерминизм, в частности, воздействие на содержание первичных и вторичных знаковых (символических) систем.

Известная польская исследовательница А. Домбровская (Dąbrowska 2004-2005, 141) пишет, что культурная лингвистика, предметом которой является изучение отношений между языком и культурой, относится к более общему направлению исследований языка с учетом его в з а м о д е й с т в и я с в н е ш н и м и ф а к т о р а м и (что определяется такими терминами, как интеракционизм или коннексионизм). При этом Домбровская подчеркивает необходимость различать антропологическую и культурную лингвистику: предметная область первой дисциплины шире и охватывает такие аспекты, как физическая среда обитания языкового сообщества (см. понятие англ. *physical anthropology*), уклад жизни (включая ритуалы и обряды), система социальных отношений, биологические (в частности, расовые) и психологические характеристики (например, когнитивные стили, типы темперамента) и др. (подробнее см.: Manelis Klein 2006, 296). Т р а д и ц и я а н т р о п о л о г и ч е с к о й л и н г в и с т и к и с ф о р м и р о в а л а с ь н а б а з е изучения бесписьменных, некодифицированных языков, которые обслуживают сферу ежедневных, частных межличностных отношений (так называемую естественную коммуникацию) и не подвержены или мало подвержены влиянию городской, индустриальной и официальной (элитарной) культуры. Считается, что именно такая среда имеет наиболее естественный характер и лежит у истоков формирования человеческого рода и человеческого языка. В литературе можно встретить также мнение, что антропологическая лингвистика принципиально не ограничивается рамками культурных (в частности, этнических) сообществ, поскольку некоторые (получающие отражение в языке) формы человеческого знания и поведения имеют универсальный характер (Zaniewski и др. 2016, 158).

Такой, широкий взгляд на природу языковых явлений представлен в лингвистическом наследии И. А. Бодуэна де Куртенэ. С одной стороны, он писал:

Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть признано убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи (1963/2, 17).

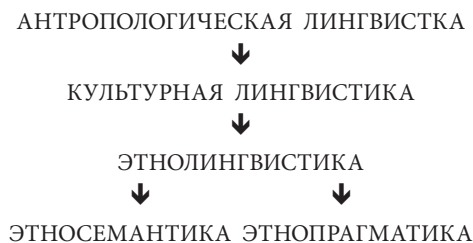
Бодуэн утверждал, что в языке аккумулируется многовековой познавательный опыт народа, и в этом смысле он является источником «особого знания» (цит. по: Skarżyński 2016, 166), которое необходимо учитывать в исследованиях в области антропологии, этнологии и социальной психологии. Например, сопоставительное изучение лексики, по мнению Бодуэна, позволяет делать выводы о взаимодействии разных культурных сообществ и их истории.

В то же время ученый высказывался против одно-однозначного толкования отношения между языком и культурой. Он писал, что каждое культурное сообщество подвержено внешним влияниям, в результате чего каждая культура носит смешанный характер, что отражается и в языке, а именно – в сосуществовании собственных, исконных и заимствованных элементов (см: Skarżyński 2016, 181). Это обстоятельство затрудняет лингвистическую реконструкцию культуры.

Бодуэн, однако, не ограничивался указанием на культурный фактор формирования и функционирования языка – значительное внимание он уделял также, а может быть, в первую очередь биологическому фактору, который, по его мнению, сыграл решающую роль в эволюции фонетических систем. Ученый писал, что обнаруживаемая в филогенезе языка тенденция к перемещению фокуса звукопроизводства из полости гортани в полость рта, особенно к ее передней части, объясняется прямохождением (Бодуэн де Куртенэ 1963/1, 211; 1963/2, 118 и др.; Skarżyński 2016, 148 и др.).

В представлении Г. Палмера (Palmer 1996, 5 и др.) культурная лингвистика имеет несколько составляющих: у ее истоков лежит антропоцентрическая теория Ф. Боаса, которая позднее нашла продолжение в этносемантике – в России к этому направлению можно, например, отнести концепцию лексического фона Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (1980). Третьей составляющей является разработанная Д. Хаймсом и Дж. Гумперзом этнография речи. Для данного направления характерна установка на специфические, культурно обусловленные параметры коммуникативного поведения, т.е. прагматический аспект отношения между языком и культурой. К этнографии речи примыкают более поздние направления: межкультурная прагматика в версии А. Вежбицкой (Wierzbicka 1991), этнопрагматика в версии К. Годдарда (Godard 2004), микросоциоллингвистика и др.

С учетом приведенной выше информации можно представить следующую иерархию понятий:

Отношения между языком и культурой имеют двунаправленный характер: с одной стороны, культура отражается в языке, в первую очередь в его словарном составе (Grzegorzczukowa 2014, 124). Как писал Н. С. Трубецкой (1990, 154), всякая культура проводит нивелировку индивидуальных различий его членов, а это прежде всего проявляется в формировании общей лексики – основного словарного запаса как фундамента социальной коммуникации. С другой стороны, язык, особенно в донаучный период развития человечества (см. Zaniewski и др. 2016, 159), влияет на поведение его носителей и содержание познавательных категорий. «Язык эвристичен [...] в более широком смысле, в соответствии с которым его формы предопределяют для нас определенные способы наблюдения и истолкования действительности», – писал Э. Сепир, один из основателей американской этнолингвистики (1993, 227). Этот тезис имел основополагающее значение также для европейского неогумбольдтианства (см. Радченко 1990, 46). Эвристическая функция языка особенно отчетливо проявляется в онтогенезе и аквизиции языка: оба эти процесса способствуют социализации, т.е. усвоению культурно приемлемых, а прежде всего обязательных элементов. Кроме того, как пишут авторы концепции антропологической лингвистики (Zaniewski и др. 2016, 168), возможности научного познания зависят от уровня развития специальной (терминологической) лексики.

Концепция языкового детерминизма, в соответствии с которой система языка определяет культурную картину мира, представляет собой сильную версию этнолингвистики. Ее теоретические основы были заложены Э. Сепиром и Б. Уорфом – в США, Л. Вайсгербером – в Европе, а эмпирические исследования стали предметом психоллингвистики первого поколения (середины XX века). Идея языкового детерминизма лежит также в основе этнолингвистики, как ее понимал Толстой: по его выражению, для данной дисциплины

существенно рассмотрение не только и не столько отражения народной культуры, психологии и мифологических представлений в языке, [...] сколько конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества (Толстой 1995, 34).

Трудность решения так поставленной задачи состоит прежде всего в отсутствии необходимых инструментов: интерпретацию человеческого поведения со ссылкой на языковой фактор всегда можно оспорить, аргументируя, что люди говорят так-то и так-то, потому что так-то и так-то думают. Может быть, поэтому во второй половине XX века эвристический подход к языку уступил место концепции культурного детерминизма, истоков которой стоял Ф. Боас. В этом случае мы имеем дело со слабой версией этнолингвистики, когда принимается постулат о культурной мотивации языковой системы и речевого поведения: язык трактуется как «средство закрепления этнического мировидения» (Журавлев 1995, 9). Идея о том, что язык и культурная среда неразделимы, а культурный опыт отражается в языке и других символических системах, лежит в основе методического культурализма (или конструктивизма) (нем. *der Methodische Kulturalismus*) – направления исследований Марбургской школы (см. Рыльцева 2008, 146 и др.). В том же духе основатель современной польской культурной лингвистики Я. Анусевич писал о языке как резервуаре культуры (Anusiewicz 1994, 10).

Из постулата «об изоморфности культуры и языка и применимости к культурным объектам тех методов и способов изучения материала, которые выработаны в современной лингвистике» (Журавлев 1995, 10), естественно вытекает идея лингвистической реконструкции культуры (см. Grzegorzczukowa 2014, 129). Поскольку языковые знаки, как пишет М. Л. Ковшова (2013, 34), несут культурную информацию (по принципу: «Если *x* как представитель культурного сообщества знает значение слова, он знает о референте слова нечто дополнительно к этому благодаря общему коллективному опыту»), лингвистический анализ наиболее устойчивых единиц, например, фразеологизмов, способен раскрыть, по выражению В. М. Мокиенко (2001, 6), их «общекультурный фон». Таким образом, единицы основного словарного запаса, их устойчивые сочетания, а также «прецедентные» тексты (поговорки, афоризмы, молитвы, песни, тосты, речевки, анекдоты и др.) трактуются этнолингвистами как формы репрезентации и инструменты реконструкции специфического для каждого сообщества культурного кода. Своим историческим содержанием этнолингвистика, по мнению Толстого (1995, 26), отличается от социолингвистики, изучающей функционирование современных языков (хотя следует отметить, что некоторые методы, например, полевые исследования, были заимствованы у социолингвистов).

Общие рассуждения о влиянии культуры на язык можно конкретизировать, используя три параметра: 1) фактор (или эффектор); 2) область приложения; 3) рецептор (или область отражения). С учетом того, что каждая из этих категорий (своего рода переменных) представлена несколькими значениями, общую картину взаимодействия можно представить в виде следующей схемы.

ФАКТОР		ОБЛАСТЬ ПРИЛОЖЕНИЯ		ОБЛАСТЬ ОТРАЖЕНИЯ
Физический (экологический)		Универсальный		Форма
Биологический		Этнический		Комбинаторика
Социо- культурный		Субэтнический (социальный)		Семантика
Познавательный		Индивидуальный		Прагматика

На схеме представлены четыре основных категории факторов: физический, биологический, социо-культурный (поведенческий) и познавательный. Из них только два последних имеют отношение к культуре, хотя два первых фактора важны при более широком, антропологическом подходе. Четыре области приложения – некоторая условность, так как понятно, что возможна и более детальная спецификация. Субэтнический уровень означает разного рода социальные группы – по региональному, классовому, национальному, профессиональному, половому, возрастному признаку и т.д. Наконец, что касается областей отражения, здесь выделены четыре фундаментальные категории языка: форма, комбинаторика (сочетаемость, синтаксис), семантика и прагматика. Важно учитывать, что воздействию внешних факторов подвержен не только план содержания языковых единиц, но также план выражения. Существуют, например, социально приемлемые и неприемлемые формы языкового поведения (Белл 1980, 50), а социальная дифференциация плана выражения языковых единиц традиционно считается одним из главных предметов социолингвистики (Яворская 1992, 41).

Все категории на схеме соединены линиями. Они означают направление обусловленности. Схема позволяет исчислить 64 возможных комбинаций, т.е. типов обусловленности. Их можно представить в виду списка символов: ФУФ, ФУК, ФУС, ФУП, ФЭФ, ФЭК, ФЭС, ФЭП ... ССФ, ССК, ССС, ССП, СИФ, СИК, СТС, СТП ... ПСФ, ПСК, ПСС, ПСП и т.д. Например, формула СЭП означает <социо-культурный фактор на этническом уровне воздействует на прагматику языка>, формула ПИС <познавательный фактор на индивидуальном уровне воздействует на семантику языка>, формула БУФ <биологический фактор на универсальном уровне воздействует на форму языка> и т.д.

В научной литературе описаны только некоторые из этих типов. Наиболее часто предметом исследования становится влияние социального фактора на речевое поведение и влияние познавательного фактора на языковое содержание. При этом следует отметить тенденцию, которая наблюдается и в польских, и в русских исследованиях: узкое понимание культуры как коллективного знания. М. Л. Ковшова определяет культуру

как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов (Ковшова 2013, 70).

Подобным же образом Домбровская видит задачу культурной лингвистики в использование языковых данных для описания культурно программируемого восприятия мира (Dąbrowska 2004-2005, 141), хотя еще более радикальную, вербоцентрическую точку зрения высказал известный французский социолог культуры А. Моль: «Культура – это, в сущности, огромное множество сообщений» (1973, 126). Мнение, что культура сводится к репрезентирующим человеческую деятельность знаковым системам и без них не мыслится, разделяет и П. Хрущевский: в его определении культура – это динамическая и изменчивая система знаний, хотя польский исследователь принимает во внимания и социальные факторы ее формирования: знания обусловлены выработанными сообществом моделями поведения и социальной практикой (Chruszczewski 2011, 16). Действительно, без социального, интерактивного компонента дефиниция культуры лишена смысла, а когнитивно-семантический аспект проблемы «язык – культура» является только одним из нескольких аспектов (см. Manelis Klein 2006, 296). Напомню, что Сепир определял культуру «как то, что данное общество делает и думает», добавляя: «Язык же есть то, как думают» (1993, 193).

Сложный, многомерный характер культуры проявляется в диверсификации исследований. В связи с этим можно упомянуть две выделенные С. Холлом (Hall 1980, 60 и др.) парадигмы культурологических исследований: первая имеет рефлексивный, идеологический характер, вторая ставит акцент на социальных практиках. Обе парадигмы интегрируются при функциональном подходе к культуре (см. Malinowski 2000a; 2000b) как системе социальных институтов, упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (на разных уровнях организации общества), а также соответствующих им ментальных форм репрезентации внешней действительности, инструментов и продуктов деятельности (артефактов). Такой подход декларируется, например, авторами «Белостокского манифеста» (см. Zaniewski и др. 2016, 164), которые в качестве воздействующего на языковую систему фактора принимают во внимание не только духовную, но и материальную культуру. Например, по их утверждению, мануфактурная и промышленная продукция в Европе (особенно в Англии и Шотландии в XVIII–XIX вв.) обусловила необходимость создания обширных технических терминологий, в частности, систем составных терминов. Кроме того авторы отмечают роль перехода к городской культуре, который обусловил процессы специализации и социальной дифференциации лексики.

Семантические процессы в языке и речевом поведении необязательно представляют собой непосредственное отражение коллективного знания – у их истоков могут лежать другие, в частности, социальные мотивы. Например, социологи пишут о нарастании идеологической и политической поляризации как тенденции, которая наблюдается в последние десятилетия также в странах Восточной Европы и Польше (Sartory 1976; Hazan/Reuven 1995; Garand 2010; Finseraas 2010 и др.). Это явление находит отражение в языковой коммуникации, а именно – языковой агрессии, реализуемой посредством экспрессивно и оценочно окрашенной лексики, включая вульгаризмы. Богатый материал этого рода представлен в статье Е. М. Верещагина (Vereščagin 2002).

3. Польская и русская версии культурной лингвистики: различия

Современное лингвокультурологическое направление в славянских странах распространилось в 70-е и особенно 80-е года прошлого века. На его развитие в Польше и России (СССР) повлияли, однако, несколько разные обстоятельства. В СССР этнолингвистика (с ее апелляцией к народному языку) воспринималась как альтернатива для структурализма, который в значительной степени сформировался в контексте элитарной модернистской культуры (Kiklewicz 2012, 32). Н. И. Толстой (1995, 25) открыто противопоставлял этнолингвистику общей семиотике, в основе которой лежит структурализм Ф. де Соссюра. С другой стороны, этнолингвистика в целом соответствовала марксистскому языкознанию и прежде всего его тезису о социальной природе языка, хотя О. А. Радченко (2004, 93 и др.) усматривает в отношении между марксистским (универсалистским, по его определению) и идиоэтническим подходом антагонизм. В польском языкознании 70–80-х годов не было такого сильного антагонистического мотива: культурализм vs структурализм – может быть, потому, что структурализм, как уже указывалось во Введении, не представлял в Польше такого заметного явления, как в СССР.

Несмотря на общие теоретические предпосылки, польская и русская традиции культурной лингвистики и этнолингвистики различаются рядом важных характеристик. Прежде всего следует указать на различие понятийной категоризации тематического поля «язык и культура». Каждое научное сообщество выработало собственные способы профилирования этой проблемы. Само направление исследований в славянских странах относительно редко определяется как *культурная лингвистика* – в базе iSybislav имеется по 49 документов с таким ключевым словом на польском и русском языках. Намного чаще употребляются альтернативные термины: *лингвокультуроло-*

логия и этнолингвистика (хотя, как уже отмечалось в предыдущем разделе, их нельзя считать полными синонимами). Первый термин намного чаще встречается в работах русских ученых: так в базе e-library.ru отмечено 2259 документов с ключевым словом *лингвокультурология* и только 803 документа с ключевым словом *этнолингвистика*. В базе iSybislav, напротив, отмечено 103 польских документа с ключевым словом *etnolingwistyka* и ни одного документа с ключевым словом *lingwokulturologia*. Российские ученые, кроме того, довольно активно пользуются также производным термином *лингвокультура*, который в польском научном обиходе не принят.

Другое различие касается базовых категорий языковой картины мира (или лингвокультуры). В России такой базовой категорией считается *концепт* как специфическая для данного культурного сообщества форма интеграции разного рода информации о объектах – референтах знаков. Польские исследователи преимущественно обращаются к понятию *стереотипа*, имея в виду наиболее общие, устойчивые (подтвержденные контекстами) коннотации лексических значений. В базе iSybislav имеется 73 документа на русском языке с ключевым словом *концепт* и только 14 документов со словом *стереотип*. В документах на польском языке обнаруживается обратная пропорция: *koncept* – 28, *stereotyp* – 158. В русских публикациях стереотипы, главным образом, определяются применительно к формам культурно маркированного поведения (см. Байбурин 1985).

И. В. Зыкова (2017, 105) к ключевым единицам метаязыка лингвокультурологии относит также *концептосферу*, которая понимается как совокупность концептов, обладающих понятийным, образным и ценностным содержанием. В базе e-library.ru упоминается 10587 публикаций с этим ключевым словом. В польских публикациях этот термин практически не встречается (за исключением редких публикаций русистов).

Различаются отдельные направления лингвокультурологических исследований. В России, например, востребована проблематика *языковой личности*, которая, вслед за Ю. Н. Карауловым, понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» (1989, 3). В Польше это понятие встречается только в работах немногих русистов. Польские термины *język osobniczy*, *idiolekt*, *idiostyl* употребляются в социолингвистике и стилистике и касаются, главным образом, формальных особенностей языка писателей (см. Brzeziński 1988).

Польская версия этносемантики касается главным образом *языковой картины мира*. Следует отметить, что существует также концепция *текстовой картины мира*, автором которой является Войцех Кайтох (Kajtoch 2008, 14 и др.).

Это понятие, однако, намного чаще встречается в русской литературе. В частности, оно активно разрабатывается в рамках имагологии, которая в Польше представлена значительно скромнее. Если в польской базе POL-Index отмечено только 33 публикации с ключевым словом *imagologia*, то в российской базе e-library.ru отмечено 1030 таких публикаций. В России, в Томском университете, с 2014 года издается научный журнал «Имагология и компаративистика». При этом различаются понятия *имагология* и *имиджелогия*: первое направление занимается изучением образов (или, другими словами, культурных концептов) в художественном сознании (см. Рябчикова 2018), а второе – использованием образом в процессах социальной коммуникации, в частности, в таких сферах, как политика, реклама, массовая коммуникация, *public relations* и др. (см. Почепцов 2000; Бережная/Васякин 2016).

Современная польская традиция этнолингвистики в определенной степени сформировалась под влиянием американской когнитивной семантики, в частности, работ таких ученых, как Дж. Лакофф или Р. Лангакер. К исследованиям были привлечены базовые понятия американской когнитологии: идеализированная когнитивная модель (англ. *idealized cognitive model*), когнитивная база, домен, профиль, фасета и др. (см. Bartmiński/Niebrzegowska 1998). В русских исследованиях, особенно если их предметом является историческая реконструкция народной культуры, когнитологический инструментарий принципиально отсутствует, и это естественно с учетом того, что предметом когнитивной лингвистики, как пишет А. А. Камалова (2008, 22), является «речевая деятельность людей, т.е. реальные процессы порождения и понимания текстов».

Впрочем, нельзя утверждать, что русские лингвокультурологические публикации вовсе лишены связи с когнитивной наукой, однако такого рода декларации имеют преимущественно спекулятивный характер. Например, в часто цитируемой монографии В. А. Масловой (2004) практически отсутствуют ссылки на работы западных специалистов, а когнитивное (по сути псевдокогнитивное) исследование текстов сводится к анализу семантических коннотаций отдельных лексем. В подобном ключе написана монография казахстанских авторов: Ахметжанова/Мусатаева 2013.

В польской традиции более разработан эмпирический компонент. К источникам этнолингвистической информации Е. Бартминьский (Bartmiński 1998, 66) относит не только систему языка, высказывания, тексты и языковую интуицию, но также анкетирование. Один первых опытов такого рода описания этнических стереотипов был предпринят К. Писарковой (Pisarkowa 1994), а признанным авторитетом в этой области является М. Фляйшер (Fleischer 1997). Наиболее регулярно анкетирование применяется в аксиологических исследованиях (Bartmiński/Grzeszczak 2014, 29). В России эмпирический компонент, главным образом, реализуется в полевых

исследованиях, у которых, однако, другая задача: изыскание материала, который мог бы использоваться для исторической реконструкции. Кроме того следует отметить, что полевые исследования, особенно в последнее время, все менее популярны – предпочтение отдается менее трудоемким процедурам, например, дистрибутивному анализу лексических единиц, который служит основой для конструирования разного рода концептов и концептосфер.

В польской версии культурной лингвистики больше внимания уделяется аксиологической составляющей (что подтверждают данные библиографической базы iSybislav). Польская концепция этнолингвистики предусматривает субъективный характер отражения мира, что проявляется в оценочной семантике как важнейшем элементе коннотативного содержания знаков. Канон ценностей составляет фундамент языковой картины мира. Теоретические основы аксиолингвистики разработаны в работах Я. Пузыниной, которая считается общепризнанным авторитетом в этой области. Исследователи люблинской группы работают над составлением польского аксиологического словаря (Bartmiński/Grzeszczak 2014, 24).

В России также исследуются ценностные концепты (например, в работах С. Г. Воркачева), однако интерес к этой проблематике относительно слабый, что подтверждают данные базы e-library: из 36698 публикаций с тегом «языкознание» только 24 (0,06%) соответствуют поисковому слову *ценность*. В русской литературе более разработана семантическая категория оценки («ценность» и «оценка» – близкие, но не тождественные понятия), см. монографии Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, Л. Ю. Иванова и др. В теоретическом аспекте эти исследования, однако, обнаруживают мало общего с культурной лингвистикой — они относятся к области интенциональной (и отчасти модальной) семантики, ср. высказывание Арутюновой: «Концепт оценки построен на представлении о количестве» (1988, 19).

Особенностью русской этнолингвистики является широкое понимание этой дисциплины, выходящее за границы собственно лингвистической проблематики, т.е. изучения языковых форм. Во многих случаях за фасадом этнолингвистики скрывается антропология повседневности или же этнография, например, исследование региональных культур – лингвистический компонент таких исследований вторичен. Например, трудно усмотреть лингвистическую проблематику в монографии А. Ф. Журавлева «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян» (1994) или в монографии А. Б. Страхова «Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования» (1991), хотя обе работы квалифицируются как этнолингвистические. А. А. Камалова и Л. А. Савелова, авторы монографии «Лингвокультурологическое описание северной русской деревни» (2007), несмотря на присутствие элемента *лингво-* в названии книги, уделяют мало внимания языковым свойствам архангельского диалекта – в основном, описывается материальная и духовная культура его

носителей. Этнолингвистическое исследование В. В. Усачевой (2008, 18 и др.) состоит в описании народных ритуалов, микроритуалов и обрядов с учетом контекстуальных устойчивых фраз.

Такое положение дел объясняется общей установкой русской этнолингвистики, которую Толстой трактовал как своего рода *частную семиотику*. Эта частная семиотика, по его утверждению, «призвана определить набор семиологических средств и символов в славянской культурной сфере, их соотношение и систему, их общность для славянского мира и их локальные различия» (1995, 25). Толстой писал, что специалисты по этногенезу и славянским древностям пользуются археологическими и лингвистическими данными, тогда как этнолингвисты опираются на фольклорный и этнографический материал (что можно трактовать как признание алингвистичности).

В русских исследованиях (особенно при изучении «концептосфер») областью приложения эвристической функции языка чаще всего является этнос, а ученые стремятся выделить и описать ключевые слова русской культуры (см. Зализняк и др. 2005). Во многих работах усматривается *аполгетический пафос*, т.е. возвышение русской культуры, на что обращают внимание А. В. Павлова и М. В. Безродный (2013, 141 и др.). Это направление исследований часто подвергается критике: Зарецкий 2008; Шафилов 2013; Киклевич 2017; Березович 2018 и др. Так, известный исследователь фразеологии В. М. Мокиенко (2007, 50) отмечает направленность этнолингвистических исследований «на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена». Решению этой задачи, по мнению Мокиенко, мешает обобщенная и субъективная интерпретация языковых фактов, «выдаваемых за сугубо национальные стереотипы». В статье ученого мы читаем:

Общая методологическая особенность многих исследований такого рода – глобальность выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов разных языков или вообще отсутствие сопоставительного фона (Мокиенко 2007, 50).

Мокиенко критикует также идею «монокультурной картины мира», приверженцы которой, по его мнению, «мало обращают внимание, [...] что поиски национально специфического в фольклоре всегда органически уживались с признанием общечеловеческого и общеевропейского» (там же, 51; см. также: Шафилов 2019).

В основе этой дискуссии лежит, как думается, скрытый идеологический мотив. Идиоэтническая теория языка в России все еще вызывает у многих ассоциацию с марризмом – классовым учением о языке, подобно тому, как в Германии – с неогумбольдтианством (Радченко пишет об интеграции этих направлений, см. 2014, 96 и др.). В обоих случаях языкознание стало инструментом идеологической пропаганды, элементом коммунистической (в СССР)

и национал-социалистической (в Германии) диктатуры. В СССР противники «нового учения о языке» стали жертвами массовых политических репрессий. Этим объясняется факт, что на этнолингвистическую проблематику в послевоенном немецком языкознании было наложено негласное табу. Подобным образом и в России вызывает отрицание чрезмерная идеологическая эксплуатация лингвокультурологических выводов, их интерпретация с точки зрения национальной, великорусской идеи.

В польской исторической памяти этнолингвистика, как и другие идиоэтнические теории языка, не играют какой-либо значительной роли, поэтому современное восприятие этого научного направления лишено негативного идеологического фона.

* * *

В заключение следует отметить, что в целом культурная лингвистика и этнолингвистика представляют более заметное явление в современном польском языкознании. Этому способствуют целенаправленные институциональные действия групп ученых, сконцентрированных прежде всего в университетских центрах Люблина, Вроцлава и Кракова. Этнолингвистическое направление в Польше реализуется в серии долгосрочных проектов, к которым относятся: 1) серии публикаций, таких, как упомянутый уже «Словарь народных стереотипов и символов», «красная» серия, серия „Język a kultura”, а также издаваемый с 1988 года журнал „Etnolingwistyka” (подробнее об этом: Кульпина/Татаринов 2012); 2) участие польских исследователей в Этнолингвистической комиссии Комитета языкознания ПАН и Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов (которые многие годы возглавлял Е. Бартминьский); 3) более 20 тематических конференций, организованных в Люблине, начиная с 1975 года; 4) постоянно действующий семинар «Лингво-культурологическая картина мира славян на сопоставительном фоне» и др.

Польские этнолингвисты, как представляется, в большей степени наследуют традицию своего направления, у истоков которого стоял П. Смочинский – автор проекта «Атласа говоров Люблинского края»: в современных польских публикациях сохраняется интерес к народному языку, хотя область исследований расширяется за счет привлечения новых типов дискурсов элитарной культуры. В России заметен крен в направлении концептологических исследований, в результате чего лингвокультурология постепенно вытесняет этнолингвистику, что проявляется в постановке задач, выборе материала, терминологии и методах исследования.

Каждое научное направление, особенно что касается гуманитарных и социальных наук, в разных странах реализуется с учетом локальной традиции и особенностей культуры. История идей объективно связана

с политической, военной, экономической и др. историей – в этом смысле у каждой европейской страны свой опыт. Только с учетом этого исторического фона можно понять многие реалии современные культуры, в том числе и языкознания. Этнолингвистическая проблематика активно разрабатывается в Польше и России, а также других странах бывшего СССР, однако она почти не представлена в Чехии или Германии. Опыт каждой национальной школы ценен и потому, что он опирается на специфический, всегда аутентичный материал, и потому, что представляет собой своеобразную интеграцию (или конфигурацию) элементов собственной научной традиции. Каждая такая конфигурация означает одну из возможных перспектив решения проблемы, а научное познание как раз и состоит в том, чтобы определять, интерпретировать, оценивать, модифицировать и оптимизировать эти перспективы.

Библиография

- Арнольд 1991: Arnol'd, I. V. (1991), *Sovremennyye lingvisticheskiye teorii vzaimodeystviya yazyka i sredy*. In: *Voprosy yazykoznaneya*. 3, 118-126. [Арнольд, И. В. (1991), *Современные лингвистические теории взаимодействия языка и среды*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 118-126.]
- Арутюнова 1988: Arutyunova, N. D. (1988), *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. Moskva. [Арутюнова, Н. Д. (1988), *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. Москва.]
- АХМЕТЖАНОВА/МУСАТАЕВА 2013: Akhmetzhanova, Z. K./Musatayeva, M. S. (2013), *Aktual'nyye problemy lingvokognitologii i lingvokul'turologii*. Almaty. [Ахметжанова, З. К./Мусатаева, М. Ш. (2013), *Актуальные проблемы лингвокогнитологии и лингвокультурологии*. Алматы.]
- Байбурин 1985: Bayburin, A. K. (1985), *Nekotoryye voprosy etnograficheskogo izucheniya povedeniya*. In: Bayburin, A. K. (ed.), *Etnicheskiye stereotypy povedeniya*. Moskva, 7-21. [Байбурин, А. К. (1985), *Некоторые вопросы этнографического изучения поведения*. В: Байбурин, А. К. (ред.), *Этнические стереотипы поведения*. Москва, 7-21.]
- Белл 1989: Bell, R. (1980), *Sotsiolingvistika. Tseli, metody, problemy*. Moskva. [Белл, Р. (1980), *Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы*. Москва.]
- БЕРЕЖНАЯ/ВАСЯКИН 2016: Berezhnaya, M. S./Vasyakin, B. S. (2016), *Imidzhelogiya*. Moskva. [Бережная, М. С./Васякин, Б. С. (2016), *Имагология*. Москва.]
- БЕРЕЗОВИЧ 2018: Berezovich, Y. L. (2018), *Psevdonauchnyye postroyeniya v sovremennoy lingvokul'turologii*. V: Yakimov, P. A. (ed.), *Chetvertyye Moiseyevskiyе chteniya. Natsional'nyye i regional'nyye osobennosti yazyka. 1*. Orenburg, 132-138. [Березович, Е. Л. (2018), *Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии*. В: Якимов, П. А. (ред.), *Четвертые Моисеевские чтения. Национальные и региональные особенности языка. 1*. Оренбург, 132-138.]
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963/1: Baudouin de Courtenay, I. A. (1963), *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaneyu. 1*. Moskva. [Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963), *Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1*. Москва.]
- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ 1963/2: Baudouin de Courtenay, I. A. (1963), *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaneyu. 2*. Moskva. [Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963), *Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2*. Москва.]
- ВЕРЕЩАГИН/КОСТОМАРОВ 1980: Vereshchagin, E. M./Kostomarov, V. G. (1980), *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova*. Moskva. [Верещагин Е. М./Костомаров, В. Г. (1980), *Лингво-страноведческая теория слова*. Москва.]

- ГОФМАН-КАДОШНИКОВ 1984: Gofman-Kadoshnikov, P. B. (1984), Sistemnyy analiz iyerarkhii urovney zhizni. In: Sistemnyye issledovaniya 1984. Moskva, 322-328. [Гофман-Кадошников, П. Б. (1984), Системный анализ иерархии уровней жизни. В: Системные исследования 1984. Москва, 322-328.]
- ДЮРКГЕЙМ 1996: Durkheim, É. (1996), Metod sotsiologii. In: Dobren'kov, V. I. (ed.), Zapadno-yevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov. Moskva, 309-365. [Дюркгейм, Э. (1996), Метод социологии. В: Добренъков, В. И. (ред.), Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Москва, 309-365.]
- ЖУРАВЛЕВ 1994: Zhuravlev, A. F. (1994), Domashniy skot v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskiye i etnolingvisticheskiye ocherki. Moskva. [Журавлев, А. Ф. (1994), Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. Москва.]
- ЖУРАВЛЕВ 1995: Zhuravlev, A. F. (1995), Slavyanskaya etnolingvistika v rabotakh N. I. Tolstogo (predisloviye redaktora). In: Tolstoy 1995, 8-12. [Журавлев, А. Ф. (1995), Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (предисловие редактора). В: Толстой 1995, 8-12.]
- ЗАЛИЗНЯК/ЛЕВОНТИНА/ШМЕЛЕВ 2005: Zaliznyak, A. A./Levontina, I. V./Shmelev, A. D. (2005), Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. Moskva. [Зализняк, А. А./Левонтина, И. В./Шмелев, А. Д. (2005), Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва.]
- ЗАРЕЦКИЙ 2008: Zaretskiy, Ye. V. (2008), Bezlichnyye konstruktсии v russkom yazyke: kul'turologicheskiye i tipologicheskiye aspekty (v sravnenii s angliyskim i drugimi indoevropeyskimi yazykami). Astrakhan'. [Зарецкий, Е. В. (2008), Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань.]
- ЗЫКОВА 2017: Zyкова, I. V. (2017), Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varyanty. Moskva. [Зыкова, И. В. (2017), Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва.]
- КАМАЛОВА 2008: Kamalova, A. A. (2008), Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya. Olsztyn. [Камалова, А. А. (2008), Семантическая категория состояния. Olsztyn.]
- КАМАЛОВА/САВЕЛОВА 2007: Kamalova, A. A./Savëlova, L. A. (2007), Lingvokul'turologicheskoye opisaniye severnoy russkoyderevni. Arkhangelsk. [Камалова, А. А./Савёлова, Л. А. (2007), Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск.]
- КАРАУЛОВ 1989: Karaulov, Yu. N. (1989), Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi yeye izucheniya. In: Karaulov, Yu. N. (ed.), Yazyk i lichnost'. Moskva, 3-9. [Караулов, Ю. Н. (1989), Русская языковая личность и задачи ее изучения. В: Караулов, Ю. Н. Язык и личность. Москва, 3-9.]
- КИКЛЕВИЧ 2017: Kiklewicz, A. (2017), Yazykovaya kartina mira kak problema antropologicheskoy lingvistiki. In: Filologicheskkiye nauki. 1, 9-16. [Киклевич, А. (2017), Языковая картина мира как проблема антропологической лингвистики. В: Филологические науки. 1, 9-16.]
- КОВШОВА 2013: Kovshova, M. L. (2013), Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii. Kody kul'tury. Moskva. [Ковшова, М. Л. (2013), Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Москва.]
- КУЛЬПИНА/ТАТАРИНОВ 2011: Kulpina, V. G./Tatarinov, V. A. (2012), Bibliograficheskiye izdaniya Lyublinskogo universiteta. In: Kiklewicz, A./Vazhnik, S. (eds.), Palanistyka – Polonistyka – Polonistyka 2011. Minsk, 528-535. [Кульпина В. Г., ТатаринOV В. А. (2012), Библиографические издания Люблинского университета. В: Киклевич, А./Важник, С. (ред.), Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2011. Мінск, 528-535.]
- ЛОТМАН/УСПЕНСКИЙ 1971: Lotman, Yu. M./Uspenskiy, B. A. (1971), O semioticheskom mekhanizme kul'tury. In: Trudy poznavkovym sistemam. 5, 144-166. [Лотман, Ю. М./Успенский, Б. А. (1971), О семиотическом механизме культуры. В: Труды по знаковым системам. 5, 144-166.]
- МАСЛОВА 2004: Maslova, V. A. (2004), Kognitivnaya lingvistika. Minsk. [Маслова, В. А. (2004), Когнитивная лингвистика. Минск.]

- Миллер 1972: Miller, G. (1972), Nekotorye prolegomeny k psikholingvistike. In: Leont'ev, A. A. /Sakharnyy, L. V. (eds.), Psikholingvistika za rubezhom. Moskva, 31-44. [Миллер Дж. (1972), Некоторые пролегомены к психоллингвистике. В: Леонтьев, А. А./Сахарный, Л. В. (ред.), Психоллингвистика за рубежом. Москва, 31-44.]
- Мокиенко 2001: Mokiyenko, V. M. (ed.) (2001), Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik. Sankt-Peterburg. [Мокиенко, В. М. (ред.) (2001), Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург.]
- Мокиенко 2007: Mokiyenko, V. M. (2007), Yazykovaya kartina mira v zerkale frazeologii. In: Chlebda, W. (ed.), Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków. Opole, 49-66. [Мокиенко, В. М. (2007), Языковая картина мира в зеркале фразеологии. В: Chlebda, W. (red.), Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków. Opole, 49-66.]
- Моль 1973: Moles, A. (1973), Sotsiodinamika kul'tury. Moskva. [Моль, А. (1973), Социодинамика культуры. Москва.]
- Павлова/Безродный 2013: Pavlova, A. V./Bezrodnyy, M. V. (2013), Khitrushki i yedinorog: iz istorii lingvonacissizma. In: Pavlova, A. V. (ed.), Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti». Sankt-Peterburg, 138-159. [Павлова, А. В./Безродный, М. В. (2013), Хитрушки и единорог: из истории лингвоарциссизма. В: Павлова, А. В. (ред.), От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». Санкт-Петербург, 138-159.]
- Почепцов 2000: Pochepcov, G. G. (2000), Imidzhelogiya. Moskva. [Почепцов, Г. Г. (2000), Имиджология. Москва.]
- Радченко 1990: Radchenko, O. A. (1990), Yazykovaya kartina mira ili yazykovoye mirosozidaniye? (K voprosu o postulatakh J. L.Veisgerbera). In: IAN OLYa. 5/49, 444-450. [Радченко, О. А. (1990), Языковая картина мира или языковое мирозидание? (К вопросу о постулатах Й. Л. Вайсгербера). В: ИАН ОЛЯ. 5/49, 444-450.]
- Радченко 2014: Radchenko, O. (2014), Antagonizm universalistskogo i idioetnicheskogo podkhodov v sovremennoy filosofii yazyka v Rossii i Germanii. In: Kiklewicz, A. (ed.), Paradymaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Słupsk, 93-103. [Радченко О. (2014), Антагонизм универсалистского и идиоэтнического подходов в современной философии языка в России и Германии. В: Kiklewicz, A. (red.), Paradymaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Słupsk, 93-103.]
- Рыльцева 2008: Ryl'tseva, M. V. (2008), Metodicheskii kul'turalizm, sovremennaya filosofiya i arkhitektura. In: Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. 12 (19), 140-151. [Рыльцева, М. В. (2008), Методический культурализм, современная философия и архитектура. В: Альманах современной науки и образования. 12 (19), 140-151.]
- Рябчикова 2018: Ryabchikova, E. E. (2018), Imagologiya kak razdel literaturovedcheskoy komparativistiki. In: Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. 9/2, 52-59. [Рябчикова, Е. Е. (2018), Имагология как раздел литературоведческой компаративистики. В: Слово.ру: балтийский акцент. 9/2, 52-59.]
- Сепир 1993: Sapir, E. (1993), Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii. Moskva. [Сепир, Э. (1993), Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва.]
- Серебренников 1988: Serebrennikov, B. A. (ed.) (1988), Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazykovaya kartina mira. Moskva. [Серебренников, Б. А. (ред.) (1988), Роль человеческого фактора в языке. Языковая картина мира. Москва.]
- Страхов 1991: Strakhov, A. B. (1991), Kul't khleba u vostochnykh slavyan: opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya. München. [Страхов, А. Б. (1991), Культ хлеба у восточных славян: опыт этнолингвистического исследования. München.]
- Толстой 1995: Tolstoy, N. I. (1995), Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike. Moskva. [Толстой, Н. И. (1995), Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва.]

- ТРУБЕЦКОЙ 1990: Trubezskoy, N. S. (1990), Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov. In: IAN OLYa. 2/49, 152-160. [Трубецкой, Н. С. (1990), Вавилонская башня и смешение языков. В: ИАН ОЛЯ. 2/49, 152-160.]
- УСАЧЕВА 2008: Usacheva, V. V. (2008), Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan. Moskva. [Усачева, В. В. (2008), Магия слова и действия в народной культуре славян. Москва.]
- ШАФИКОВ 2013: Shafikov, S. (2013), Lingvokul'turologiya, yazyk i natsional'nyu mentalitet. In: Vestnik Bashkirskogo universiteta. 18/3, 763-777. [Шафиков, С. Г. (2013), Лингвокультурология, язык и национальный менталитет. В: Вестник Башкирского университета. 18/3, 763-777.]
- ШАФИКОВ 2019: Shafikov, S. (2019), Yazyk, mental'nost' i «yazykovoy mentalitet». In: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, in press. [Шафиков, С. (2019), Язык, ментальность и «языковой менталитет». В: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, в печати.]
- ЯВОРСКАЯ 1992: Yavorskaya, G. M. (1992), Printsipy sotsiolingvisticheskogo podkhoda k izucheniyu yazyka. In: Mel'nichuk, A. S. (ed.), Metodologicheskiye osnovy novykh napravleniy v mirovom yazykoznanii. Kiev, 16-64. [Яворская, Г. М. (1992), Принципы социолингвистического подхода к изучению языка. В: Мельничук, А. С. (ред.), Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. Киев, 16-64.]
- ANUSIEWICZ 1994: Anusiewicz, J. (1994), Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław.
- BARTMIŃSKI 1990: Bartmiński, J. (1990), Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata. Lublin 1990.
- BARTMIŃSKI 1998: Bartmiński, J. (1998), Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki. W: Język a kultura. XII, 63-83.
- BARTMIŃSKI/GRZESZCZAK 2014: Bartmiński, J./Grzeszczak, M (2014), Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? W: Etnolingwistyka. 26, 22-44.
- BARTMIŃSKI/NIEBRZEGOWSKA 1998: Bartmiński, J./Niebrzegowska, S. (1998), Profile a podmiotowa interpretacja świata. W: Bartmiński, J./Tokarski, R. (red.), Profilowanie w języku i w tekście. Lublin, 211-224.
- BAUDOIN DE COURTENAY 1903: Baudouin de Courtenay, J. N. (1903), Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana. T. 33. Warszawa 1903, 278-296. Przedruk: Skarżyński 2016, 161-195.
- BRZEZIŃSKI 1988: Brzeziński J., (red.) 1988, Język osobniczy jako przedmiot badań lingwistycznych. Zielona Góra.
- CHRUSZCZEWSKI 2011: Chruszczewski, P. (2011), Językoznawstwo antropologiczne. Zadania i metody. Wrocław.
- DĄBROWSKA 2004-2005: Dąbrowska, A. (2004-2005), Współczesne problemy lingwistyki kulturowej. W: Postscriptum. 2-1(48-49), 140-155.
- FINSERAAS 2010: Finseraas, Henning. 2010. What if Robin Hood is a social conservative? How the political response to increasing inequality depends on party polarization. „Socio-Economic Review” 8: 283-306.
- FLEISCHER 1997: Fleischer, M. (1997), Das System der russischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung. München.
- GARAND 2010: Garand, J. C. (2010), Income Inequality, Party Polarization, and Roll-Call Voting in the U.S. Senate. In: The Journal of Politics. 72(4), 1109-1128.
- GODDARD 2004: Goddard, C. (2004). The ethnopragmatics and semantics of “active metaphors”. In: Journal of Pragmatics. 36, 1211-1230.
- GRZEGORCZYKOWA 2014: Grzegorzycykowa, R. (2014), O dwóch typach badań semantycznych. W: Prace Filologiczne. LXIV/2, 123-139.
- HALL 1980: Hall, S. (1980), Cultural Studies: Two Paradigms. In: Media, Culture, and Society. 2 (1), 57-72.
- HAZAN 1995: Hazan, R. Y. (1995), Center Parties and Systemic Polarization: An Exploration of Recent Trends in Western Europe. In: Journal of Theoretical Politics. 7(4), 421-445.

- КАЙТОХ 2008: Kajtoch, W. (2008): *Językowe obrazy świata i człowieka w prasie młodzieżowej i alternatywnej*, 1. Kraków.
- КІКЛЕВИЧ 2002: Kiklewicz, A. (2002), *Paradygmaty lingwistyczno-filozoficzne w kontekście słowiańskich tradycji kulturowych*. W: Zieliński, B. (red.), *Narodowy i ponadnarodowy model kultury. Europa Środkowa i Półwysep Bałkański*. Poznań, 263-278.
- КІКЛЕВИЧ 2012: Kiklewicz, A. (2012), *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*. Warszawa.
- КІКЛЕВИЧ 2013: Kiklewicz, A. (2013), *К проблеме культурной обусловленности научных парадигм: структурализм в славянских лингвистических традициях XX века (польской, русской и чешской)*. W: Kiklewicz, A./Ważnik, S. (red.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2012*. Мінск 2013; 231-253.
- КІКЛЕВИЧ 2015: Kiklewicz, A. (2015), *W kierunku socjologii językoznawstwa: dywersyfikacja współczesnej wiedzy lingwistycznej w świetle socjologii nauki i teorii paradygmatów*. W: *Biuletyn PTJ*. LXXI, 27-46.
- КІКЛЕВИЧ/ВИЛЧЕВСКИ 2011: Kiklewicz, A./Wilczewski, M. (2011), *Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego Aspects of Cognitive Ethnolinguistics)*. W: *Biuletyn PTJ*. LXVII, 164-178.
- MALINOWSKI 2000a: Malinowski, B. (2000), *Dzieła*. T. 8. *Jednostka, społeczność, kultura*. Warszawa.
- MALINOWSKI 2000b: Malinowski, B. (2000), *Dzieła*. T. 9. *Kultura i jej przemiany*. Warszawa.
- MANELIS KLEIN 2006: Manelis Klein, H. E. (2006), *Anthropological Linguistics: Overview*. In: Brown, K. (ed.), *Encyclopedia of Linguistics*. Amsterdam/Boston/Heidelberg etc., 296-304.
- NITSCH 1960: Nitsch, K. (1960), *Ze wspomnień językoznawcy*. Kraków.
- PALMER 1996: Palmer, G. (1996), *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin, TX.
- PISARKOWA 1994: Pisarkowa, K. (1994), *Z pragmatycznej stylistyki, semantyki i historii języka*. Wybór zagadnień. Kraków.
- РÓВНИНСКИ 1984: Równiński, C. (1984), *Przestrzeń logosu i czas historii*. Warszawa.
- SARTORI 1976: Sartori, G. (1976), *Parties and party systems: a framework for analysis*. 1. Cambridge/London/New York etc.
- SHARIFIAN 2008: Sharifian, F. (2008), *Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language*. In: Frank, R. M./Dirven, R./Ziemke T. et al. (eds.), *Body, Language, and Mind*. 2: *Sociocultural Situatedness*. Berlin/New York, 109-136
- SHARIFIAN 2016: Sharifian, F. (2016), *Lingwistyka kulturowa*. W: *Etnolingwistyka*. 28, 31-57.
- SKARŻYŃSKI 2016: Skarżyński, M. (red.) (2016), *Materiały do dziejów polskiego językoznawstwa*. II. *Jan Baudouin de Courtenay*. *Teksty mniej znane*. Kraków.
- SZYMAŃSKA 1980: Szymańska, B. (1980), *Co to jest strukturalizm*. Wrocław etc.
- VEREŠČAGIN 2002: Vereščagin, J. M. (2002), *Poskommunistisches „Newspeak“: Ein Erbe des Totalitarismus (Betrachtungen zum Zeitraum zwischen 19./21. August 1991 und 3./4. Oktober 1993*. In: Steinke, K. (Hrsg.), *Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren*. Heidelberg, 202- 228.
- WIERZBIKA 1991: Wierzbicka, A. (1991), *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin.
- ZANIEWSKI и др. 2016: Zaniewski, J./Grinev-Griniewicz, S./Nizhneva, N. (2016), *Antropolingwistyka dzisiaj: wyniki i perspektywy*. W: *Scripta Neophilologica Posnaniensia*. XVI, 157-169.